

Прибавление къ № 52-му Курскихъ губернскихъ вѣдомостей

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Засѣданіе особаго присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Дѣло о совершонномъ 1-го марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Востъ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Засѣданіе 28-го марта 1881 года.

(Продолженіе).

Такимъ образомъ, милостивые государи, точно, фактически и юридически, распределяется участіе подсудимыхъ, и каждому изъ нихъ присваивается особая роль. Какъ во всякомъ дѣйствіи, вытекающемъ изъ совмѣстнаго обсужденія, изъ совмѣстнаго согласія, какъ во всякомъ дѣйствіи и предпріятіи невинномъ, такъ и въ злодѣяніи нужно отличать руководителей и исполнителей, которые въ свою очередь раздѣляются на исполнителей по технической части: и если можно выразиться, — исполнителей по части физической. Руководителями злодѣянія 1-го марта были Желябовъ и Перовская; технически, лицомъ изобрѣвшимъ и составившимъ снарядъ былъ Кибальчичъ; агентами, исполнителями были: Тимофей Михайловъ, Рысаковъ и умершій Ельинковъ; хозяйкой мѣста сборища — Гельфманъ. Это участіе фактическое совпадаетъ и съ участіемъ юридическимъ. Такъ, Желябовъ задумалъ злодѣяніе 1-го марта и согласилъ на него Тимофея Михайлова и Рысакова, затѣмъ управлялъ всѣми приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями. Желябовъ, напрасно талкуя выраженіе, помѣщенное въ обвинительномъ актѣ: „умысливъ злодѣяніе“ въ томъ смыслѣ, что ему Желябову, первому принадлежать мысль о царевубійствѣ находить ее неправильнымъ. О, нѣтъ! Мысль эта составляла достоинство всей партіи, какъ мысль о дѣлѣ задуманномъ и рѣшенномъ еще на Липецкомъ съѣздѣ. Но Желябову принадлежать мысль о самомъ злодѣяніи 1-го марта со всею его обстановкою, о томъ, что составляетъ юридическій составъ преступленія. И такъ, Желябовъ, говоря языкомъ закона, есть главный виновникъ, зачинщикъ. Перовская, по ея собственному показанію, управляла приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями и руководила, находясь на мѣстѣ преступленія, самымъ его совершеніемъ. Такимъ образомъ рядомъ съ Желябовымъ, соединенная съ нимъ прямыми и крѣпкими узлами, стоитъ Перовская, зачинщица и главная виновница, такая же, какъ и онъ. Роль зачинщика, по закону, выпадаетъ и на Рысакова, потому что хотя не ему принадлежала мысль и планъ совершенія злодѣянія, по онъ первый преступилъ къ совершенію преступленія, а такое участіе законъ приравниваетъ къ понятію о зачинщикахъ. Затѣмъ сообщниками являются Кибальчичъ и Тимофей Михайловъ. Первый изъ нихъ давалъ указанія на устройство мины въ Малой Садовой и огнестрѣльною количествомъ необходимого для нея дивамита, онъ изобрѣлъ и сдѣлалъ убійственный метательный снарядъ; безъ Кибальчича не смотря на второстепенную роль его съ юридической точки зрѣнія, быть можетъ не было бы преступленія. За Кибальчичемъ слѣдуетъ Тимофей Михайловъ. Онъ согласился на совершеніе царевубійства, онъ былъ въ числѣ прочихъ рабочихъ дружинниковъ, вызвавшихся совершить его и отозвавшихся на званіе Желябова, онъ вмѣстѣ съ другими въ квартирѣ по Тельжнѣнкой улицѣ слушалъ лекціи Кибальчича, онъ участвовалъ въ пробѣ снарядовъ, онъ самъ бросилъ пробный снарядъ, своими руками совершилъ опытъ, наконецъ онъ, вооруженный снарядомъ, былъ на мѣстѣ злодѣянія метальщикомъ. Послѣднимъ является Гельфманъ, потому что она завѣдывала первою конспиративною квартирою въ Троицкомъ переулкѣ, гдѣ происходили совѣщанія, потому что она завѣдывала второю конспиративною квартирою, гдѣ эти совѣщанія привели къ желанному имъ дѣланью, потому что при ней происходила приготовленіе для злодѣянія. Если она уходила изъ квартиры въ нѣкоторые моменты этихъ приготовленій, то нѣтъ сомнѣнія, что она о нихъ знала и не могла не знать. Въ немногихъ словахъ я повторю все то, что касается Гельфманъ, такъ какъ она по своему участію стоитъ нѣсколько отдѣльно отъ всѣхъ подсудимыхъ, хотя изболѣчена и не менѣе твердо. Вамъ извѣстно ея прошлое, извѣстна ея роль въ первой конспиративной квартирѣ, ея показаніе и принадлежности къ партіи „Народной Воли“, — фракціи, поставившей дѣлю совершить царевубійство; вамъ извѣстна ея роль во второй конспиративной квартирѣ, гдѣ происходили совѣщанія, откуда утромъ 1-го марта участники сообщенія въ присутствіи Гельфманъ пошли на кровавое дѣло; вамъ извѣстно содержаніе записки, указы-

вающее на нее, какъ на видную дѣятельницу партіи въ Петербургѣ; вспомните, наконецъ, близость ея со всѣми участниками преступленія — подсудимыми и суду не преданными; вспомните показанія свидѣтелей Рейнгольда и Сергѣева, удостоверяющія, что Гельфманъ знала о присутствіи въ ея квартирѣ взрывчатыхъ веществъ, такъ какъ по словамъ свидѣтелей, когда они пришли съ обыскомъ, то первая Гельфманъ сказала: „Тамъ взрывчатые вещества не ходите туда, тамъ снаряды“, а снаряды эти были подобны тѣмъ, которыми совершено злодѣяніе. Если она знала, какіе это снаряды, то она не могла не знать, для чего они сдѣланы, а если она знала это, то предварительное согласіе и составъ преступленія, въ которомъ она участвовала, установленъ по закону и ничѣмъ не отличается отъ состава преступленія, въ которомъ изболѣчены всѣ остальные подсудимые.

Покончивъ, милостивые государи, съ уликами, изболѣвающими подсудимыхъ, съ разоблаченіемъ составленнаго ими заговора, мы представимъ остановиться на личности каждого изъ подсудимыхъ въ отдѣльности. Если въ обыкновенномъ уголовномъ дѣлѣ прошлое подсудимаго, его свойства настолько, насколько они на судъ раскрываются, насколько они могутъ служить мѣриломъ для его нравственной, личной характеристики, насколько они освѣщаютъ его внутреннее, а не внѣшнее только участіе въ дѣлѣ, имѣть значеніе, то судите же сами насколько больше это прошлое подсудимыхъ имѣетъ значеніе для суда въ дѣлѣ подобномъ настоящему, въ дѣлѣ о тягчайшемъ государственномъ преступленіи. Намъ важно узнать и опредѣлить какимъ путемъ подсудимые дошли до этого злодѣянія, какия условія благопріятствовали этому по всякому пути, и наконецъ какою степенью злой воли проявили обвиняемые во время совершенія преступленія. Матеріаломъ для сужденія объ этихъ вопросахъ первостепенной важности служатъ во-1) фактическія свѣдѣнія о прошломъ каждого изъ подсудимыхъ; во-2) свѣдѣнія объ отношеніи его къ доказанному злодѣянію въ моментъ самого злодѣянія, и наконецъ въ-3) отношеніе его къ суду, образъ дѣйствій въ поведеніе его на судѣ. Я начну съ подсудимаго Рысакова, и не скрою ни отъ васъ, ни отъ себя всей, трудности предстоящей мнѣ по отношенію къ Рысакову задачѣ. Между тѣмъ какъ никакихъ затрудненій не представляетъ характеристика Желябова и Кибальчича, тѣмъ болѣе Перовской, Гельфманъ и Михайлова, передъ личностью Рысакова и его злодѣяніемъ я останавливаюсь, и изъ массы имѣющихся у меня данныхъ съ большою осторожностью выбираю тѣ, которыя хотя до нѣкоторой степени могутъ объяснить намъ неразрѣшимымъ съ перваго взгляда противоречія, возникающія при изученіи свѣдѣній объ его личности. Мы убѣдились въ томъ, что Рысаковъ первый, а не кто другой совершилъ злодѣяніе 1-го марта, а между тѣмъ ему всего 19 лѣтъ; онъ даже не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія; онъ еще юноша, по на этомъ юношѣ тяготеетъ обвиненіе въ царевубійствѣ, имя этого юноши на вѣки связано съ злодѣяніемъ 1-го марта. Сынъ скромной и честной семьи, сынъ отца занимающаго мѣсто управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонечкой губерніи, онъ рано оставилъ родную семью. Помѣщенный въ череповецкое реальное училище въ 1874 году, онъ пробылъ тамъ, вдали отъ родной семьи, четыре года, по 1878 годъ. Проживалъ онъ на квартирѣ у свидѣтельницы Енько-Даровской, показаніе которой у васъ вѣчно сохранялось въ памяти, и оставилъ въ Череповцѣ за это время, страшно вымолвить, самое лучшее воспоминаніе. Учился отлично; аттестатъ его наполненъ хорошими отзывами и свидѣтельствуется о хорошемъ поведеніи. Енько-Даровская не нахвалится имъ. И тогда она выдѣляла его изъ среды другихъ его товарищей и теперь не можетъ прийти въ себя отъ изумленія, выда его на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ страшномъ злодѣяніи. Вы помните ту характеристику, которую свидѣтельница дала о Рысаковѣ и которую подтвердила еще ея племянница, Кулаковская. Мягкій по характеру (на это я прошу обратить особенное вниманіе), довольно набожный, склонный къ сопротивленію, спорамъ, доступный воздѣйствію на него, если оно направляется на его умъ, разсудокъ и чувство; легко поддающийся ласкѣ, онъ въ это далекое теперь время отрицалъ даже мысль о возможности сдѣлаться социалистомъ. Когда Даровская эта почтенная старушка, до слуха которой доходили извѣстія о волевыхъ мысляхъ, говорила Рысакову: вотъ и вы кончите курсъ здѣсь, переѣдете въ Петербургъ, развѣситесь тамъ этими же мыслями, — онъ отвѣчалъ: нѣтъ, я много читалъ, я не пойду на это. Далекое это время отъ насъ, далекое оно теперь и отъ Рысакова, и какъ хотѣлось бы, я увѣренъ, Рысакову вернуться къ этому далекому, невозвратному прошлому. Въ 1876 году онъ, окончивъ курсъ въ чере-

повскомъ училищѣ, переѣхалъ въ Петербургъ съ надеждами, которыя неразлучнымъ возрастомъ юноши; пріѣхалъ для того, чтобы работать и учиться, и дѣйствительно началъ работать. Ступивъ въ Горный институтъ, онъ принялся серьезно за занятія. Это удостоверено инспекторомъ института г. Безомъ, который показалъ, что первое время Рысаковъ не мало вливался лекціями, постоянно бывалъ на практическихъ занятіяхъ, занимался въ библиотекѣ. Такъ проходила его жизнь въ Петербургѣ въ 1878 и 1879 годахъ. За это время у насъ является вопросъ, въ какомъ положеніи находилась связь подсудимаго съ его семьею? Этому я придаю особое значеніе. Я уже говорилъ, что свидѣтели, знавшіе его въ Череповцѣ, удостоверяютъ что отца онъ любилъ, связь его съ семьей не прерывалась и поддерживалась побѣдами домой на каникулы: не обнаруживалось въ его семейныхъ отношеніяхъ никакой перемѣны, не было перемѣны и въ его мысляхъ. Но затѣмъ, за послѣднее время, въ этой связи, что не подлежитъ сомнѣнію, совершилась какая то перемѣна, и доказательство ея, доказательство едва уловимое, но тѣмъ не менѣе неопровержимое, я вижу въ письмѣ, на которое я обратилъ ваше вниманіе во время судебного слѣдствія. Это письмо было найдено у Рысакова запечатаннымъ въ конвертѣ, съ адресомъ на имя отца. Очевидно онъ не смѣлъ отправить его. Въ письмѣ трактуется о весьма простыхъ житейскихъ вѣщахъ, словомъ, обыкновенное письмо сына къ отцу. Но если вы вникнете въ тонъ письма если слитите его со всѣмъ прошлымъ Рысакова, то оно представляется изумительнымъ. Конечно, если останавливаться такъ сказать на внѣшнемъ содержаніи этого письма, на словахъ, оно не поразитъ читателя: въ немъ говорится, что отецъ послалъ сыну посылку, которою сынъ остался недоволенъ, потому что она была неудачна — и только. Но если прислушаетесь къ сердцу писавшаго, то поймете что въ немъ есть нѣчто натянутое, жесткое, что такъ не пишеть любящій сынъ къ своему отцу, если эта любовь чѣмъ нибудь не затуманилась, если она не исчезла, если ее съ корнемъ не вырвали изъ сердца сына. Мы, далѣе, имѣемъ фактическія свѣдѣнія о томъ, что къ концу 1879 года Рысаковъ начиналъ чѣмъ-то волноваться. Около этого времени, послѣ ареста Шаряева, замѣшаннаго въ дѣлѣ терроризма, онъ является вмѣстѣ съ товарищемъ на его квартиру и требуетъ выдачи вещей арестованнаго. Здѣсь Рысаковъ уже не тотъ скромный, набожный, усердно учащійся, прекрасный молодой человекъ, хорошій сынъ, нѣтъ — это другое лицо, лицо завязавшее уже сношенія съ террористами, живущими на одной квартирѣ вмѣстѣ съ женщиной, близкой къ одному изъ вожakovъ ихъ. Нельзя въ этомъ не видѣть туманнаго указанія на то, что гдѣ-то раскрыты сѣти, а въ сѣтяхъ бьется несчастный юноша. Проходитъ 1879 г., лекціи имъ еще посѣщаются, но что онъ дѣлаетъ дома какъ относится къ ученію — неизвѣстно. Институтъ не знаетъ домашней жизни питомцевъ, не наблюдаетъ за ними внѣ стѣнъ своихъ. Въ декабрѣ 1880 года у хозяйки квартиры которую занималъ Рысаковъ, Гаврилова, производится обыскъ въслѣдствіе несомнѣнныхъ свѣдѣній о его политической неблагонадежности. Обыскъ не коснулся Рысакова, но по словамъ Рысакова, побудилъ его перейти прямо на нелегальное положеніе, а нелегальное положеніе есть клеймо человека, принадлежащаго къ социальнореволюционной партіи. Обращаясь къ собственнымъ указаніямъ подсудимаго Рысакова. Онъ самъ не пріурочиваетъ себя къ опредѣленному революционному воззрѣнію: прежде, по его словамъ, онъ только сочувствовалъ социальнореволюционному движенію, и только въ послѣднее время рѣшился примкнуть къ числу его дѣятелей. Какими однако, страданиями, маловѣжными обстоятельствами объясняетъ онъ первыя свои побужденія къ содѣйствію партіи и какъ эти обстоятельства далеко отъ его образа жизни, отъ его обстановки: вы помните эти громкія фразы: страданіе народа — и социальная революція какъ исходъ изъ него. Страданіе народа: эпидемія, жучовъ — жучовъ даже и не появившіся въ Череповскомъ уѣздѣ. Какъ бы то ни было, въ декабрѣ 1880 года онъ изъ состоянія пассивнаго переходитъ въ активное, и мы видимъ его агитирующимъ среди рабочихъ, сначала отдѣльно, а потомъ подъ руководствомъ Желябова. Вотъ здѣсь то, въ этомъ моментѣ милостивые государи, и находится ключъ къ разрѣшенію загадки. Здѣсь мы видимъ руку, которая толкнула юношу на настоящее злодѣяніе; мы видимъ имя Рысакова, его дѣятельность, его роль постоянно рядомъ съ именемъ Желябова. Онъ познакомился съ Желябовымъ, видится съ нимъ у себя на квартирѣ и на чужихъ квартирахъ, Желябовъ вводитъ его въ агитационную группу, указываетъ на неудобство, единичнаго дѣйствія, дѣлаетъ членомъ этой группы а потомъ и членомъ боевой дружины. Рысаковъ, объясняя отношенія свои къ Желябову, какъ будто